

АРЕНДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДАГЕСТАНСКОМ АУЛЕ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

М. А. Джамалутдинов

*Институт истории археологии этнографии Дагестанского научного Центра
Российской Академии наук*

Аренда земли – явление широкое, многомерное, касающееся проблем экономического, социального и политического развития общества. Особую актуальность приобретает изучение арендных отношений в наши дни, когда происходит смена форм собственности, узаконивается частная собственность на землю.

Целью данной статьи является исследование роли и места аренды в системе аграрных отношений в Дагестане в период первого десятилетия Советской власти, выявить степень распространенности аренды в горном крае и ее своеобразие. Проблема рассматривается на основе комплексного изучения и использования всей совокупности источников и литературы.

На почве неравномерного распределения средств производства в сельском хозяйстве во втором десятилетии XX в. развивались земельная аренда и эксплуатация наемного труда, являющиеся ярко выраженными формами эксплуататорских производственных отношений. Не всякий бедняк или маломощный середняк в состоянии вести земледельческое хозяйство, прибегая к найму рабочего скота и инвентаря.

Некоторым крестьянам оплата за наем рабочего скота, орудий и машин оказывалась не под силу, и они либо нанимались к зажиточному соседу, либо отправлялись в отход, полностью или частично сдавая землю в аренду. Безынвентарность, отсутствие основных средств производства порождали в одних случаях наем рабочего скота и инвентаря, а в других – сдачу земли в аренду и продажу рабочей силы, в третьих – то и другое вместе.

В Дагестанском ауле развивалась внутринадельная, так называемая внутрикрестьянская аренда – частично наем земли бедняками и середняками, а частично богачами у бедняков и середняков. Земли беднякам, как правило, сдавались на кабальных условиях, за отработки, из доли урожая, а зажиточным крестьянам – в типично капиталистическую аренду. Зажиточный крестьянин брал в аренду в предпринимательских целях, а бедняк в целях удовлетворения насущных нужд семьи.

Аульская верхушка вела свое хозяйство в основном на купчей и арендованной земле. Чем мощнее группа, тем ничтожнее роль надельной земли в ее общем землепользовании. Высшей группе крестьян (крестьяне, имеющие свыше 10 десятин посева) Хасавюртовского округа, составлявшей всего 3,3 % всех хозяйств, принадлежало 6695 десятин (62 %) из 10 850 купчей и 9499 десятин (74,2 %) из 12842,5 десятин арендованной земли [1].

Из всей площади земли, принадлежавшей этой группе, удельный вес надельной земли составлял всего 2,5 %. Это не означало, что высшие группы крестьян вовсе не прибегали к сдаче земли в аренду. Скупая и арендуя землю и тем самым, создавая значительный в земельный фонд, богачи затем на кабальных условиях мелкими участками сдавали ее своим нуждающимся соседям.

Крупные арендаторы сдавали в субаренду всего лишь 1/10 часть всей арендованной земли, предпочитая сами вести на нем хозяйство. При этом крупные предприниматели занимались высокотоварным земледелием, что подтверждается и данными о наличии сельскохозяйственной техники. Безынвентарные в Хасавюртовском округе 42,9 % всех хозяйств, зато двум высшим группам, т. е. владельцам, имевшим от 5 до 10 десятин и свыше 10 десятин земли, принадлежали 30,2 % однолемешных плугов, 81 % мнолемешных плугов, все сеялки, 77,6 всех жнеек, 10 молотилок из 24 и т. д. [2].

Таким образом, наличие у подавляющего большинства крестьян Дагестана маленького надела земли, отсутствие рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря и трудность ведения хозяйства примитивными орудиями труда вызывали объективную необходимость сдачи земли в аренду богатым или продажи. В Дагестанском ауле на одном полюсе рос удельный вес крупных землевладельцев, а на другом – группа безземельных и малоземельных крестьян, которые уходили в батраки и отходники.

Статистические данные свидетельствуют о том, что до 60 тыс. дагестанцев большую часть года

находились в сфере капиталистического промышленного производства [3].

В начале 1920 г. батрацко-бедняцкие слои составляла около 65 % населения Дагестанской области [4].

Декрет о земле, заложивший основы советского земельного строя, запретил аренду, как одну из форм частного оборота главного средства сельскохозяйственного производства. Интересно, что запрет аренды земли был требованием, сформулированным в Крестьянском наказе и приобрел силу закона благодаря включению соответствующего раздела последнего в состав ленинского декрета. Провозглашая отмену прав частной собственности на землю, наказ и декрет устанавливали: «Земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема» [5].

Даже при полном запрещении земельная аренда сохранялась, подчас как тщательно скрываемая, подпольная форма социальных отношений в ауле в начале 20-х гг.

Объективные условия развития мелкого крестьянского хозяйства, а также необходимость скорейшего восстановления сельскохозяйственного производства, побудившие Советское государство к введению новой экономической политике (март 1921 г.), требовали разрешения аренды земли. И это было сделано.

IX Всероссийский съезд Советов (декабрь 1921 г.) поручил ВЦИК «издать постановление о временной краткосрочной переуступке прав на землепользование ослабленными трудовыми хозяйствами (аренде) и об условиях применения наемного труда в крестьянском хозяйстве». Это постановление должно было «исходить исключительно из удовлетворения хозяйственно-бытовых потребностей трудового крестьянского хозяйства, исключить всякую возможность закабаления одного хозяина другим и не допустить никаких отступлений от ... государственной собственности на землю» [6].

Таковы были принципиальные основания, на которых строились правовые нормы, регламентировавшие земельную аренду и наемный труд в сельском хозяйстве первых лет новой экономической политики.

22 мая 1922 г. 3-я сессия ВЦИК приняла Закон о трудовом пользовании, который допускал на определенных условиях «трудовую аренду земли» [7]. Нормы, сформулированные этим законом, с рядом дополнений вошли в Земельный кодекс РСФСР, введенный в действие с 1 декабря 1922 г.

В Дагестане в 1923 г. к найму средств производства прибегало 34,8 процента всех хозяйств. Таким образом, в отношении найма и сдачи орудий и средств производства (живой и мертвый инвентарь), согласно материалам весеннего опроса 1927 г., было втянуто 40 процентов всех крестьянских дворов Дагестана. При очень высоком удельном весе безынвентарных (59,5 %) и не имеющих рабочего скота (33,2 %) число дворов, нанимающих средства производства, сравнительно небольшое (34,8 %).

Причину этого, во-первых, надо искать в слабой обеспеченности Дагестана средствами производства. Сказались годы войны и послевоенной разрухи, когда почти прекратился завоз сельскохозяйственной техники, а бывшая до этого в употреблении в значительной степени вышла из строя.

Во-вторых, значительная часть бедняцких дворов предпочитала не обременять себя малоэффективным хозяйством и либо шла в отход па рыбные и промышленные предприятия, либо работала по найму в сельском хозяйстве.

И, в-третьих, довольно значительная часть дворов находила выход, вступая в супругу. Так, по данным 1927 г., супругающиеся составляли 35 % всех крестьянских дворов республики.

В Дагестане в это время своим скотом и своим инвентарем обрабатывали пашню лишь 32 948 дворов из обследованных 120 тыс., т. е. 27,4 % всех хозяйств. Среди нанимающих средства производства особенно выделялась группа, обрабатывающая пашню наемным скотом и наемным инвентарем. 32 641 хозяйство из 42 010, прибегающих к найму средств производства, приходится именно на эту группу. Это 27,1 % всех обследованных дворов.

К найму рабочего скота, при наличии своего инвентаря, обращалось всего 2,8 % дворов, а своим скотом и наемным инвентарем обрабатывало землю 4,9 % дворов. Очевидно, что к найму рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря прибегали главным образом наиболее маломощные слои населения, лишенные средств производства.

Об этом говорят итоги того же весеннего выборочного обследования, свидетельствующего, что 98,5 процента всех дворов, обрабатывающих пашню наемным скотом и наемным инвентарем, были малоземельными, имевшими не более одной десятины посева на хозяйство [8]. Они же составляли в основном группу, обрабатывающую пашню с помощью супруги.

Земельные арендные отношения охватывали в среднем до одной трети (27,6 %) всего населения республики. Исследователи доколхозной советской

деревни считают, что в этот период в качестве главных сдатчиков выступали бедняцкие и мало-мощные середняцкие слои крестьянства, а ведущую роль среди арендаторов играли середняки. Материалы о развитии арендных отношений в Дагестане подтверждают сказанное.

Так, согласно данным весеннего выборочного обследования 1926 г., 87,5 % всех сдающих дворов и 70,2 % всей сданной в аренду пашни приходились на группу беспосевных или сеющих не более трех десятин на двор. Зато среди арендаторов она не играла сколько-нибудь значительной роли. На их долю приходилось 23,3 процента всех арендующих дворов и лишь 16,5 % всей арендуемой пашни. Средняки, наоборот, играли сравнительно небольшую роль среди сдающих, но зато занимали центральное место в группе арендаторов. Они составляли 63,3 % всех дворов, участвующих в аренде, и им принадлежало 51,7 % всей арендуемой пашни.

Удельный вес кулацких дворов среди арендующих был невелик, всего 9,8 %, но они концентрировали у себя 31,8 % всей арендуемой пашни.

Таким образом, социальный смысл арендных отношений ясен. Не имея рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря или имея их в совершенно недостаточном количестве, маломощные слои населения очень часто были вынуждены бросать сельское хозяйство и обращаться к другим источникам заработка. Для зажиточных же слоев аренда служила средством наживы и обогащения. Аренда в хозяйстве середняка являлась главным образом показателем экономического роста и улучшения его благо состояния, так как косила трудовой характер и была основана на собственных трудовых ресурсах. Это положение характерно было для всей страны.

Материалы весеннего выборочного обследования 1927 г. дают достаточно полное и точное представление о формах оплаты за аренду. Если судить о формах оплаты по числу дворов, участвующих в аренде, наиболее распространенной была издольная аренда. Из доли снимали земли в 35,5 % случаев. Наименее распространенной была аренда за отработку — всего в четырех случаях из ста. В целом натуральный расчет со сдатчиком вели 62,5 % всех дворов, участвующих в аренде, 30,6 % — деньгами и лишь 6,9 % — смешанным способом [9].

Совсем иная картина обнаруживается при рассмотрении данных о площади земли, охваченной той или иной формой аренды. Так, 51,3 процента всей земли арендовалась за деньги, 17,6 — смешанным путем и 31,1 процента — за натуральную плату [10].

Развитие в дальнейшем арендных отношений в 1928–1929 гг. определялось не столько специальными нормами по ее регулированию, сколько всей системой мер Советского государства, направленных на подъем бедняцких хозяйств и поддержку середняцких, на усиление ограничения и вытеснения кулацких хозяйств, на развертывание колхозного движения. Первый же мощный удар по зажиточно-кулацким слоям, нанесенный чрезвычайными мерами в январе — апреле 1928 г. в связи с кризисом хлебозаготовок, привел к свертыванию земельной аренды.

Сокращение аренды земли произошло практически во всех районах страны, но особенно на Северном Кавказе и Украине. По РСФСР в целом посев на арендованной земле в 1928 г. сократился до 86,3% по сравнению с 1927 г., в том числе в Западном районе — до 84,3, в Центрально-Промышленном — до 88,7, в ЦЧО — до 81,5–86,7 (по разным исчислениям), в Среднем Поволжье — до 95,9, в Нижнем Поволжье — до 92, в Вятском районе — до 98,2, на Урале — до 89,1, в Сибири — до 88, на Северном Кавказе — до 72,2% [11].

Свертывание земельной аренды в 1928–1929 гг. свидетельствовал об успехах советской политики поддержки бедняцко-середняцких слоев крестьянства, ограничения и вытеснения кулачества, а также о том, что развитие земельной аренды происходило в ограниченных масштабах и не смогло стать не только решающим, но и сколько-нибудь прочным фактором в социальном расслоении доколхозного аула. Развиваясь главным образом как следствие неравномерного распределения в ауле рабочего скота и инвентаря, земельная аренда должна была исчезнуть в процессе обобществления орудий и средств производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГАРД) ф-104, оп. 4, д. 51, л. 72.
2. Там же д. 59, л-18.
3. Обзор дагестанской области за 1916 г. Темир-Хан-Шура., с. 21.
4. ЦГАРД ф. 622, оп. 3, д. 51, х. 107.
5. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954 гг. М. 1954., с. 11 (далее СД 33.).
6. Съезды Советов в документах. 1917–1936. М. 1959., с. 169.
7. СД 33 с. 142-143.
8. ЦГАРД. Ф-1-п, оп-9, д. 107, л-53.
9. Там же, оп. 10, д.121, л-14.
10. Там же, д. 122, л-37.
11. Госплан СССР. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/1929 гг. М. 1929, с. 95.